

Дмитрий Мережковский

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Оригинал здесь - http://www.silverage.ru/poets/merezhk_autobio.html

Мой покойный отец рассказывал мне, что прадед мой Федор Мережки был войсковой старшина на Украине, в городе Глухове. Дед, Иван Федорович, в последних годах XVIII века, в царствование императора Павла I, приехал в Петербург и, в качестве дворянина, поступил младшим чином в Измайловский полк. Тогда-то, вероятно, и переименовал он свою малороссийскую фамилию Мерёжки на русскую - Мережковский. Из Петербурга переведен был в Москву и принимал участие в войне 12-го года.

Отец мой, Сергей Иванович, родился в 1821 году в Москве от второй жены Ивана Федоровича, Курбской. Жил в Рогожской части, воспитывался в пансионе г-жи Либерман. Поступил на казенную службу в 1839 году. Служил сначала у оренбургского губернатора Талызина, потом у обер-гофмаршала гр. Шувалова помощником столоначальника, а затем столоначальником в придворной конторе. Должность эту занимал и при министре двора гр. Адлерберге в течение всего царствования Александра II.

В 1853 году женился на Варваре Васильевне Чесноковой, дочери управляющего канцелярией петербургского обер-полицмейстера.

Я родился 2 августа 1865 года в Петербурге, на Елагином острове, в одном из дворцовых зданий, где наша семья проводила лето на даче. До сих пор я люблю унылые болотистые рощи и пруды елагинского парка, где мы, дети, начитавшись Майн Рида и Купера, играли "в диких". Еще уцелела та сосна, на которой я устроил себе сиденье из дощечек между ветвями, чтобы там, на высоте, сидя, как птица, читать, мечтать и чувствовать себя далеко от людей, вольным, "диким". Помню, как мы забирались в темные подвалы дворца, где на влажных сводах блестели при свете огарка сталактиты, или на плоский зеленый купол того же дворца, откуда видно взморье; помню, как мы катались на лодке, разводили костры на песчаных отмелях Крестовского острова, пекли картофель и опять чувствовали себя "дикими".

Зимой мы жили в старом-престаром, еще петровских времен, Бауеровом доме, на углу Невы и Фонтанки, у Прачешного моста, против Летнего сада: с одной стороны - Летний дворец Петра I, с другой - его же домик и древнейший в Петербурге деревянный Троицкий собор. Квартира казенная, огромная, со множеством комнат, жилых и парадных, в двух этажах. Окна на север; комнаты большие, мрачные; обстановка торжественно-чиновничья. Отец не любил, чтобы дети шумели и мешали ему заниматься: мы проходили мимо дверей его кабинета на цыпочках.

Мне теперь кажется, что в нем было много хорошего. Но, угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой времен николаевских, он не сумел устроить семьи. Нас было девять человек: шесть сыновей и три дочери. В детстве жили мы довольно дружно, но затем разошлись, потому что настоящей духовной связи, всегда от отца идущей, между нами не было.

Я был младший из сыновей, и мать меня любила больше всех. Если есть во мне что-нибудь доброе, я этим обязан ей одной.

Когда мне было лет 7 или 8, я едва не умер от дифтерита. Только мать выходила меня.

Часто уезжая в долгие служебные командировки, за границу или на Южный берег Крыма, в Ливадию, где тогда жила больная государыня, отец оставлял детей на попечение старой экономки, ревельской немки Амалии Христьяновны. Она была добрая, неумная, запуганная. Я ее не то что любил, а как-то детски жалел. Была у меня и старая няня, которая рассказывала мне русские сказки и жития святых. Помню темный угол с образом, с тихим светом лампадки и никогда не повторявшееся счастье детской молитвы. В церковь ходить я не очень любил: священники в пышных ризах казались мне страшными.

Иногда, по просьбе матери, отец брал меня с собой в Крым, где у нас было имение по дороге на водопад Учан-Су. Там я впервые почувствовал прелесть южной природы. Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве - для меня вечный символ Древней Греции.

Я воспитывался в 3-й классической гимназии. То и был конец 70-х и начало 80-х годов - самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка. Директор - выживший из ума, старый немец Лемониус, очень похожий на свою фамилию. Учителя - карьеристы. Никого из них добром помянуть не могу, кроме латинского учителя Кесслера, автора известной грамматки; он тоже добра нам не делал, но, по крайней мере, смотрел на нас глазами добрыми.